

5 июня 2015

Старший аналитик VYGON Consulting Мария Белова – гость программы «Сканер», совместного проекта агентства «Интерфакс» и радиостанции «Эхо Москвы».

Ведущие – Ольга Бычкова, журналист «Эхо Москвы», и Владимир Герасимов, исполнительный директор информационной группы «Интерфакс».

О. Бычкова

— Возвращаемся к ОПЕК, к нефти, а особенно к ценам на нефть. И напомним нам об этом Мария Тарасенкова:

М. Тарасенкова

— Страны-участники ОПЕК сохранили в пятницу квоту на добычу нефти на уровне 30 миллионов баррелей в сутки, продемонстрировав рынку, что не собираются менять стратегию. Министр нефти Саудовской Аравии Али аль-Наими заявил, что 12 членов организации привержены идее сохранения этого уровня производства. Решение ОПЕК было ожидаемым и продолжает линию, которую картель проводит с конца прошлого года.

В 2014 году цена на нефть снизилась более чем вдвое, достигнув к концу года почти 45 долларов за баррель марки Brent. Падение стало результатом перенасыщения рынка. Главную роль в этом сыграли замедление мирового спроса на сырьё и бум добычи сланцевой нефти. ОПЕК в условиях обвала цен на нефть, вопреки ожиданиям, в ноябре прошлого года не стал сокращать добычу. Организация предпочла бороться не за поддержание цен, а за увеличение своей доли на мировом рынке, чтобы вытеснить с него американских производителей сланцевой нефти, у которых стоимость добычи значительно выше. Эта стратегия оправдала себя пока лишь частично.

В результате обвала цен в мире были отложены многие новые проекты по производству нефти всего на 130 миллиардов долларов, резко упала прибыльность нефтегазовых компаний, однако производители сланцевой нефти в США в своём большинстве выстояли, успешно балансируя на грани рентабельности и продолжая добычу.

Государства, которые не являются членами ОПЕК, продолжили наращивать уровень производства. Так, в России добыча нефти выросла за пять месяцев больше чем на 1%. Увеличила добычу Бразилия. Растёт производство во Вьетнаме, Малайзии, Китае. Нарращивают объём производства и страны-участницы ОПЕК. В апреле суточный объём добычи нефти входящими в картель государствами достиг 31,2 миллиона баррелей за сутки, что является наивысшим результатом с октября 2012 года. Несмотря на увеличение предложения, цены на нефть марки Brent поднялись с начала года до 60-65 долларов за баррель. Эксперты нефтяного рынка говорят, что влияние ОПЕК на мировой рынок сегодня в целом снизилось и перестало быть решающим.

О. Бычкова

— Это была Мария Тарасенкова. А мы приветствуем в московской студии нашу гостью – Марию Белову, старшего аналитика VYGON.Consulting. Мария, добрый вечер.

М. Белова

— Добрый вечер.

О. Бычкова

— Спасибо, что вы с нами. Действительно говорят сейчас всё чаще и чаще, что ОПЕК уже не тот, что ОПЕК уже не обладает таким колоссальным влиянием на этот рынок, на эти цены и фактически на весь мир. Насколько действительно это справедливо?

М. Белова

— Вопрос такой отчасти философский, потому что, задаваясь вопросом: «А какова роль ОПЕК?», – мы должны понимать, а что мы от этой организации ждём. В уставе организации написано, что они выступают определённым балансиrom рынка, поддерживают приемлемые для производителей и для потребителей цены. В принципе, когда всё в мире хорошо, везде растёт добыча, причём быстрее, чем спрос, говорят, что роль ОПЕК не та. А если бы была противоположная ситуация – добыча бы снижалась, не дай бог, какие-то конфликты, остановки добычи нефти... И надо сказать, что только у ОПЕК в мире есть такая опция, как свободные производственные мощности, благодаря которым за месяц картель может нарастить добычу на 2,5 миллиона баррелей в сутки.

В. Герасимов

— Да, это большой объём.

М. Белова

— Пожалуй, что вот в этом роль ОПЕК.

В. Герасимов

— Сегодня, когда решение было принято, цены примерно на 1% выросли на нефть – значит, рынок в то же время несмотря на то, что решение было скорее, с точки зрения цен, не слишком позитивным (снижения не будет, это очевидно совершенно), тем не менее, рынок отреагировал позитивно, цены выросли. Почему? Всё-таки ожидания от ОПЕК и от их стратегии какие-то позитивные появляются?

М. Белова

— В принципе, в ситуации, когда цена на нефть за полгода столь существенно просела, а потом стабилизировалась на уровне 60+ долларов, это – позитивный сигнал. При том, что есть какой-то позитивный сигнал, картель сохраняет свою политику – он не снижает и не увеличивает добычу. Потому что были разговоры о том, что цена в районе 65 – это та цена, при которой США продолжают себе добывать свою сланцевую нефть, поэтому, может быть, надо увеличить объём добычи нефти для того, чтобы обвалить цены, чтобы добыча в США перестала расти, а ещё лучше упала.

О. Бычкова

— Мария, извините, а это не значит, что ОПЕК плетётся в хвосте событий фактически, не принимая никаких решений, ни на что не реагируя?

М. Белова

— Если картель не меняет решение о пересмотре объёмов добычи – это не значит, что он ничего не делает. Это тоже важное решение. Потому что буквально за короткое время до этой сессионной недели были заявления, что и Ирак неожиданно существенно увеличит добычу. Хотя, в принципе, Ирак – член картеля, и его объёмы лежат в коридоре тех 30 миллионов баррелей в сутки, под которые ОПЕК подписывается. Тот же Иран тоже входит в потолок 30 миллионов баррелей. В принципе, если следовать заявлениям об увеличении добычи этих двух стран, картель должен был бы повысить потолок добычи, но они этого не сделали. Поэтому есть надежда, что внутри организации была достигнута договорённость всё-таки, что они будут держаться этих заявленных 30 миллионов баррелей.

В. Герасимов

— Мне кажется, интересно вернуться к теме американских производителей сланцевой нефти. Все ждали, что они будут разоряться, уходить с рынка, а они проявили себя достаточно мобильными, смогли снизить издержки добычи, более того, увеличили их фактически, хотя и чуть-чуть, насколько я понимаю, но всё-таки добыча сланцевой нефти в Америке выросла. Это значит, что рассчитывать на то, что в какой-то обозримой перспективе добыча будет снижаться, не приходится – значит, цены на нефть будут оставаться низкими? Или что-то может измениться?

М. Белова

— Скажем так, сланцевая нефть даже в рамках Соединённых Штатов – это не какая-то средняя температура. Разные месторождения, разные условия добычи, где-то издержки 30 долларов за баррель, а где-то и 100. Поэтому те, у кого были неблагоприятные условия хозяйствования, низкие дебеты – они закрыли свои

производства. Другие – те, кто лежал в коридоре 65 долларов – они оптимизировали свои затраты, в том числе за счёт того, что подрядчиков можно было чуть-чуть уговорить на снижение цен их услуг. Таким образом, они остались эффективны и при этой существенно снизившейся цене.

В. Герасимов

— Это значит, что у них добыча будет сохраняться, а при тенденции, когда у нас, как говорят, ежедневный избыток нефти увеличивается и всё что можно залили этой нефтью (танкеры, какие-то хранилища), то есть опасность, что может рвануть снова, и снова цены упадут к каким-то уровням, которые, скажем, для России уже являются очень опасными. Не знаю, 40-45 долларов – это действительно уже очень мало. Насколько реально, что может снова рынок обвалиться?

М. Белова

— Отвечу сначала на вопрос об объёмах добычи в США при разных ценах. В принципе, если посмотреть отчёты Агентства энергетической информации США, они говорят, что «65 долларов – для нас комфортная цена»; добыча сланцевой нефти, по крайней мере, в 2015 году – в начале 2016 года стабилизируется и чуть-чуть увеличится, скажем, до 4,4 миллиона баррелей в сутки. То есть определённый рост происходит, да, вы правы. Если цена будет ниже 50, там будет уже ситуация сложнее. Там предрекают до конца года падение добычи, если цена будет 50, но в среднем по году всё равно будет где-то 4,4. Если цена растёт – соответственно, добыча будет расти.

Что касается возможности очередного обвала цен. Если мы вспомним историю годичной давности, как раз в июне цены вышли на пик и начали снижение, в том числе на фоне статистики о прогнозах темпов экономического роста в основном драйвере спроса на нефть – Китае. Если в этом году выйдет такая же малоприятная статистика по перспективам роста ВВП в Китае, в странах ОЭСР, то цена может начать снижаться.

Говорить о том, где будет дно... Как мы понимаем, в какой-то короткий период времени цена может упасть и ниже 30, например. А если, не дай бог, ИГИЛ активизирует свою деятельность и это приведёт к перекрытию Баб-эль-Мандебского пролива, Ормузского пролива, если с Ираном что-то произойдёт, то наоборот – цена в короткую может взлететь и выше 100.

В. Герасимов

— Тот факт, что крупнейшие нефтяные компании мира отложили проекты на огромную сумму в 100-130 миллиардов долларов (по разным оценкам), через какое время это скажется на добыче, сколько времени потребуется, чтобы это перешло в реальное снижение добычи нефти?

М. Белова

— Всё зависит от того, в каких регионах были заморожены проекты. Возьмём Россию, что нам ближе: проекты шельфовые были отложены не только из-за низких цен, но и из-за санкций. Поэтому даже если цены вдруг будут 100, то говорить о том, что мы сможем вернуться на те же досанкционные темпы освоения шельфа, наверное, не приходится. И так в каждой конкретной ситуации. США берём: если цена 100, то быстро приезжают буровые бригады, начинают бурить, проводить гидроразрыв, рвать, и вы эту нефть увидите за два-три месяца, дополнительные объёмы.

В. Герасимов

— Это такая мобильная отрасль, которая может достаточно быстро адаптироваться.

М. Белова

— В Соединённых Штатах сланцевая добыча абсолютно мобильная. Она в чём-то сопоставима с теми свободными мощностями ОПЕК, с которых мы начали, но там инвестиций больше для того, чтобы эту нефть вынуть на поверхность.

В. Герасимов

— Слушатели спрашивают про Иран. Я тоже хотел как раз именно про это спросить, потому что это как раз угроза нефтяному рынку и угроза ценам, потому что если Иран выйдет из-под санкций и начнёт добывать в полном объёме нефть – это дополнительное, очень существенное количество на рынке. Насколько этот фактор близкий и действительно высок риск того, что это изменит конъюнктуру?

М. Белова

— Как раз мы с вами в этой же студии 3,5 года назад говорили о санкциях против Ирана, когда они были только приняты. Тогда Иран добывал порядка 4 миллионов баррелей в сутки. Сейчас они заявляют о том, что как только общественность договорится и санкции будут сняты, они готовы эти объёмы вернуть. Но, честно говоря, нет ощущения, что это возможно сделать как-то очень быстро. Во-первых, нужны инвестиции в возобновление добычи. Собственных инвестиций в стране может быть недостаточно – значит, надо будет привлекать иностранных партнёров.

О. Бычкова

— А почему так, Мария, скажите, пожалуйста? То есть в Иране вся инфраструктура по добыче нефти не функционирует сейчас, получается?

М. Белова

— Нет, просто страна была вынуждена снизить добычу. Текущий уровень добычи – где-то 2,5 миллиона баррелей против тех 4 миллионов, которые были. В принципе, Иран не в полном вакууме, они экспортируют где-то миллион с лишним баррелей нефти, прежде всего в азиатские страны. Но чтобы вернуть те 1,5 миллиона баррелей на рынок, нужно осуществить инвестиции.

О. Бычкова

— Это какой срок приблизительно?

М. Белова

— Там в каждом конкретном случае надо смотреть. Какие-то месторождения будет достаточно просто запустить – скажем, два-три месяца. Какие-то – может быть, уйдут и годы.

В. Герасимов

— Мария, скажите, а вот Россия и ОПЕК. Наш министр ездил в Вену, встречался с руководством ОПЕК. В общем, довольно часто эти встречи происходят. Чем мы друг другу можем быть интересны? Есть ли у нас на самом деле какая-то почва для договорённостей, для соглашений? Или мы, условно, враги на этом рынке, и ничего общего между ОПЕК и Россией быть не может?

М. Белова

— Наверное, мы всё-таки не враги. Раз мы функционируем в условиях рынка, то мы конкуренты. Поэтому почему бы в условиях, когда ситуация не настолько благосклонна для производителей нефти, не встречаться и не обсуждать? Ну, может быть, не совместные действия, но, по крайней мере, какие-то планы, обмениваться мнениями. Диалог всегда не бесполезен. Тем более Россия с конца 90-х годов является наблюдателем в ОПЕК, так что всё это совершенно законно.

В. Герасимов

— Но слушаться мы ОПЕК не будем, и снижать добычу уж точно Россия никогда не станет, скоординировав эти шаги с ОПЕК?

М. Белова

— Никогда не говори «никогда». Формально мы не являемся страной-членом организации, поэтому следовать их правилам игры мы не должны. Они могут обратиться к нам с предложением о снижении добычи нефти – например, как это было в ноябре. Мы можем принять это предложение. Можем не принять его, аргументировав.

В. Герасимов

— Если говорить снова об ОПЕК, могут произойти довольно существенные изменения из-за того, что саудовский министр – знаковая фигура в ОПЕК, которая уже огромное количество времени руководит ОПЕК прямо или косвенно. Журналисты постоянно именно от Саудовской Аравии ждут новостей. И для журналистов каждое утро начинается, когда аль-Наими уходит на пробежку или прогулку в Вене, все идут за ним и ждут, что же он, может быть, скажет в процессе движения по набережной. Ему 79 лет, он собирается уходить. Это изменит ОПЕК в нашем привычном понимании? Какой ваш прогноз?

М. Белова

— Безусловно, Саудовская Аравия – это лидер в ОПЕК. Многие страны действуют с оглядкой и по договорённости с Саудовской Аравией. Насколько здесь велика роль личности? Да, он знаковая фигура. Да, он давно он у руля. Но мне кажется, что страна всё-таки будет придерживаться того же курса с ним или без него.

В. Герасимов

— Естественно, говоря с нефтяным экспертом, нельзя не спросить про цены, это святое дело, тем более мы от всех этих цен очень сильно зависим. Наш министр считает...

О. Бычкова

— Володя, извини, пожалуйста, прости, я тебя перебыю буквально на секунду. Мария вспомнила, о чём говорилось в этой же передаче три года назад. А три года назад представить себе сегодняшнюю ситуацию, вообще спрогнозировать всё, что сейчас происходит, в том числе и на нефтяном рынке, было бы совершенно немыслимо?

М. Белова

— И да, и нет. Если мы посмотрим на циклы изменения нефтяных цен от роста до их падения на всём периоде существования рынка, то мы увидим, что там определённая цикличность имеется. Просто последние несколько десятилетий мы видим, что период этого цикла от роста до падения сокращается. Последняя драматическая история была в 2008-2009 годах, когда цена со 140 упала до 30 долларов. Сейчас, спустя пять лет, мы видим то же самое. Как раз сейчас есть ощущение, что именно циклы роста и падения цен – четыре-пять лет.

В. Герасимов

— Мой вопрос всё-таки. Какой будет уровень цен на горизонте двух лет? Какое ваше ощущение?

М. Белова

— На два года сложнее говорить. Средняя цена по этому году – мы придерживаемся позиции, что это в районе 60.

В. Герасимов

— И будущий год – тоже плюс-минус?

М. Белова

— Похоже на эту же цену. Но здесь будет многое определяться политическими факторами, прежде всего ситуацией на Ближнем Востоке.

О. Бычкова

— Спасибо большое.

В. Герасимов

— И, наверное, всё-таки добычей тоже и ситуацией в экономике. Оля?

О. Бычкова

— Да? Я хотела сказать «спасибо» Марии Беловой и Владимиру Герасимову тоже. Мария Белова, старший аналитик VYGON.Consulting. Программа «Сканер» завершается. До встречи ровно через неделю!

В. Герасимов

— Всего доброго!

М. Белова

— До свидания!